

«Не замечая классового врага. — говорил Сталин, — в его новой маске и, не умея разоблачить его мошеннические махинации, некоторые наши товарищи нередко успокаивают себя тем, что кулаков уже нет.

...Но это глубокое заблуждение, товарищи. Кулаки разбиты, но они далеко еще не добиты. Более того, они не скоро еще будут добиты, если коммунисты будут зевать и благодушествовать, полагая, что кулаки сами сойдут в могилу в порядке, так сказать, стихийного своего развития».

С этой подачи и началась бурная кампания беззакония и произвола, жертвой которой стал и отец В. М. Шукшина.

Черным днем для села Сроетки можно назвать 15 марта 1933 года, именно в этот день было возбуждено уголовное дело против Малиевского Евгения Денисовича — 23 лет, украинца, со средним образованием, члена ВЛКСМ, не женатого, работавшего в Сроетинской МТС в качестве агронома. Ему было вменено в вину то, что он, являясь участником Западно-Сибирского филиала контрреволюционного заговора, создал подпольные группы в колхозах, обслуживаемых этой МТС. Они занимались вредительством, вели подготовку к вооруженному восстанию против существующего в СССР политического строя.

Первый протокол допроса Малиевского составлен 6 марта, до возбуждения уголовного дела. На 18 листах, написанных с обеих сторон, он подробно рассказал о неполадках в МТС, в колхозах, причинах низкого урожая, поломки техники, но на прямой вопрос: занимался ли он вредительством, ответил: — «Во вредительских делах не участвовал, связи с вредителями и кулаками никогда не имел и не имею. Как специалист сельского хозяйства законных высканий никогда не имел. Думаю, что моя работа является для государства только полезной». Но уже на второй день после ареста, то есть 16 марта, протокол допроса Малиевского начинается с признаний. Он подробно рассказывает о том, кто его завербовал, кого он завербовал, и впервые называет М. Л. Шукшина. На 17 листах Малиевский повествует, как успела навредить его преступная группа и что еще планировала сделать. Называются десятки фамилий сельчан, якобы помогавших ему саботировать колхозное движение.

Макар Шукшин впервые был допрошен 16 марта того же года. Он рассказал, что с 1929 года является колхозником колхоза «Шамя коммунизма», работает на разных работах, а последнее время на молотилке машинистом. Во время работы случалось, что колос шел в соломку. Механик МТС А. Канцеев установил поломку барабана и запретил работать на этой молотилке. Он категорически отрицал, что «...гнал в мякину зерно». Но предполагал, что «возможно, в отсутствие меня кто-нибудь и турил зерно в мякину, за всех ручаться я не могу».

Далее он показал, что во время посевной и уборочной кампании наблюдал неправильные действия по расстановке тракторов. Так, в их бригаде № 5 работали, и то недолго, только один трактор, а посею было пятьсот с лишним гектар, и все это пришлось убирать вручную. Почему не убрали тракторами, он не знает.

На М. Л. Шукшина показал не только Малиевский, но и Юркин Петр, 1888 года рождения, допрошенный за день раньше. Он сказал следовательно, что Макар Шукшин и Кирилл Фетисов, возившие снопы для молотбы, скрывали, что часть снопов оставляют на поле, а когда Макара Шукшина назначили молотить хлеб, то он умышленно погнал зерно в мякину.

Чуть позже А. Зяблицкий, 62 лет, признавая себя виновным в участии в подрывной диверсионно-повстанческой организации с. Сроетки, утверждал, что он был завербован в организацию 21-летним Макаром Шукшиным и подтвердил это на очной ставке. Этого показалось следовательно недостаточным, и он добивается подтверждения вредительских действий М. Шукшина еще у пяти обвиняемых.

Через десять дней, 26 марта, в Барнаульской тюрьме оперработник ОГПУ Садовский допросил уже в качестве обвиняемого Шукшина Макара Леонтьевича — «21 год, колхозник, женатый на Марии Сергеевне, имеющий детей: Василия, 3 лет и Наталию, 1 год». Вот что он показал. Привожу дословно:

«...Я, Шукшин Макар, решил полностью и чистосердечно признаться. Признаю себя виновным в том, что я состоял в контрреволюционной подрывной повстанческой организации в системе тракторцентра. В эту организацию завербовал меня старший агроном Сроетинской МТС Малиевский». Далее он излагает «диверсионные акты», которые он должен был исполнять по уговору с вербовщиком:

«1. Затянуть сеноуборку с таким расчетом, чтобы побольше сена погибло под дождем; затянуть молотбы, чтобы побольше было растрепано хлеба, а для увеличения потерь затянуть молотбы хлеба на зиму; затянуть с уборкой всех хлебов в этих целях; разложить труднейшую среди колхозников с таким расчетом, чтобы рабочий день был возможно меньшим с прогулами и чтобы снижены были качество и темпы работы; производить всякие тормозы и задержки; ломать инвентарь и машины; создавать сре-

ШУКШИН

А

за. Пусть
сара Ле-
ного за-
о в деле
й, «ули-

лу про-
в. Ста-
ялось в
ловека.
1 в ко-
лка Сте-
ребца-
овича.
гадира
честве
цион-

канчи-
и кре-

чного
алина
СП(б),
имает
татков
ш це-
тощи-
этим
бста-
енши
ой. А
про-
авно
вер-
цем
срх-
е де-
жно
кла-

печь
оду,

шлу.
шй.

163